

Игорь **ДАНИЛЕВСКИЙ**,  
доктор исторических наук

## КНЯЗЬЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: «СВОЙ» ИЛИ «ЧУЖИЕ»?



**Д**ата, от которой принято отсчитывать начало древнерусской государственности, неразрывно связана с именем легендарного Рюрика, который, согласно Начальной летописи, якобы отозвался на призыв новгородцев «княжить и володети» ими «по праву». И вот уже на протяжении двух с половиной веков учёные мужи из всех сил пытаются выяснить, откуда родом был герой легенды и какова его этническая принадлежность.

Ещё в 1749 году Герард Фридрих Миллер доказывал, что Рюрик с братьями прибыл из Швеции, в то время как его оппонент Михайло Ломоносов считал их балтийскими славянами. В ходе разгоревшейся впоследствии дискуссии пришедших в Новгород князей-варягов называли то скандинавами, то финнами, то славянами-выходцами из Южной Руси, то литовцами, то мадьярами, то хазарами, то готами, то грузинами, то иранцами, то яфетидами, то кельтами, то евреями...

Памятник княгине Ольге. Киев.

В 1836 году появилась статья, автор которой высказал догадку, что летописный Рюрик — не кто иной, как Рёрик Фрисландский (или Ютландский), известный по западноевропейским источникам<sup>1</sup>. Основанием для такого предположения послужили, во-первых, сходство имён отождествляемых персонажей, а во-вторых, близость летописных дат, под которыми упоминается Рюрик, и времени жизни и деятельности Рёрика Фрисландского. Эта догадка, популярная и по сей день, вскоре подверглась серьёзной критике. Так, Михаил Погодин скептически замечал: «Профессор Крузе предоставляет Рюрику слишком много действий из немецких и русских летописей! В продолжение целых пятидесяти лет он пускает его по всем морям — в Пизе, Дорештаде, Бирке, Новгороде, по Роне, в Англии, в Франции, — и даёт ему владения, хотя временные, в самых отдалённых между собою странах». К тому же, «что делать нам с хронологией?» — задавался вопросом Погодин: если сводить то, что известно о Рёрике Фрисландском, с летописными упоминаниями, «наш» Рюрик окажется не только весьма изрядного возраста, но и обзаведётся сыном Игорем только лет в 80... Из всего этого следовал вывод: «наш Рюрик не германский Крузев Рюрик»<sup>2</sup>.

К аналогичным выводам — но на гораздо более серьёзных основаниях — пришёл через сто с лишним лет советский историк Владимир Пашуто. Ссылаясь на исследования польского специалиста Хенрика Ловмянского, он подчёркивал: «Само предание о Рюрике лишено прочных исторических корней... В пору жизни реального Рюрика Фрисландского прямых связей ни Фрисландии, ни Дании с Русью не было, и вся деятельность этого викинга времён Лотаря и Карла Лысого в 40–70-х годах IX века протекала в кругу датских и германских интересов. В IX веке фризы не ходили на восток дальше датского Шлезвига и шведской Бирки, откуда жители ездили в Дорештадт... Экспансия самой Дании ещё не простиралась восточнее земли куршей; датско-новгородские торговые отношения впервые зафиксированы в XI веке». Появление

же в Повести временных лет самого «англосаксонского мотива о трёх братьях (переработанного в духе договора о приглашении на княжение), следует, видимо, связывать с женитьбой Владимира Мономаха на дочери англосаксонского короля Гите, которая со своей свитой до отъезда на Русь укрывалась в Дании»<sup>3</sup>.

И тут незаметно для нас возникает новая тема — куда более реальная и серьёзная, чем поиски исторических корней мифического Рюрика: а кем вообще были по происхождению древнерусские князья? Насколько они были «нашими», «своими»? И как происхождение князей сказывалось на развитии русских земель?

Если «воссоздание» генеалогии самого Рюрика — задача малопродуктивная, то разобраться, так сказать, в этнической составляющей правящей элиты Древнерусского государства и княжеств, возникших на его обломках, — дело довольно полезное, которое может привести к нетривиальным выводам. Естественно, речь идёт не только и даже не столько о «этнографическом составе крови» (как выразился Василий Ключевский) первых поколений древнерусских князей. Но начать надо именно с неё.

Авторы школьных учебников по истории России всегда с удовольствием и гордостью сообщают о том, как древнерусские князья выдавали своих дочерей за представителей правящих династий Западной Европы. На память, естественно, сразу приходит Анна Ярославна — «королева Франции» (тогда — Парижа с ближайшими пригородами, Иль-де-Франс). Можно также вспомнить, что сестра Анны, Елизавета, вышла замуж за короля Норвегии. Сёстры их отца, Ярослава Мудрого, были выданы за норманнского маркграфа Бернгарда, за кузена венгерского короля Иштвана I Ласло Сара и за польского короля Казимира I Пяста (Добронег-Мария), а дочери Владимира Мономаха — за венгерского короля Коломана (Евфимия), за византийского царевича Леона (Мария) и за венгерского короля Белу II (София). Но вот о том, кем были матери древнерусских князей, авторы учебников обычно не упоминают. А зря...

Итак, кем же были «наши» князья по материнской линии?

Начнём с первого вполне исторического киевского князя Игоря. От его брака с Ольгой (судя по имени, скандинавской) родился сын Святослав, одной из жён которого была некая Малуша. Была ли она славянкой, сказать трудно. Следует, однако, отметить, что её имя совпадает с именем библейской царицы Савской — как оно даётся в древнерусских переводах Библии; характеристика же Малуши как рабыни-ключницы княгини Ольги, скорее всего, результат переосмысления неверно понятых слов, якобы произнесённых Рогнедой в ответ на предложение Владимира Святославича: «Не хочю разути робичича...»<sup>4</sup>, где слово «робичич» значило «нехристь»<sup>5</sup>. Согласно летописной легенде, своего старшего сына Ярополка Святослав женил на монахини-гречанке, которую привёз из балканского похода, «красоты ради лица ея»<sup>6</sup>. Младший же Святославич, Владимир, имел несколько жён: летописец упоминает, в частности, Рогнеду, отец которой, полоцкий князь Рогволод, «пришёл из-за моря» (то есть был скандинавом), «чехиню» и «болгариню», а также византийскую принцессу Анну.

От первой жены у Владимира родились будущие князья — полоцкий Изяслав, тмутараканский Мстислав, а также новгородский и киевский Ярослав, которого мы обычно — вслед за историками XIX века — называем Мудрым. Все они, соответственно, по материнской линии были скандинавами. От «чехини» был рождён будущий новгородский князь Вышеслав (судя по всему, самый старший из Владимировичей), а от «болгарини» — Борис и Глеб, которые вскоре будут убиты своим сводным братом Святополком (сыном Ярополка Святославича и монахини-гречанки), женатым, кстати, на дочери польского князя Болеслава Храброго. Так что, судя по летописным данным, первые русские святые были наполовину болгарами.

В результате кровопролитной брастоубийственной убоицы, начавшейся сразу после смерти Владимира, единственным правителем на Руси останется Ярослав. От брака со шведской принцессой Ириной-Ингигердой, дочерью шведского короля Олафа Шётконунга, родятся все сыновья Ярослава. Старший из них, Изяслав, унаследовавший от отца новгородский и киевский престолы, женится на Гертруде, дочери польского князя Мешко II. Сменивший брата на киевском княжении Святослав Ярославич будет женат на дочери немецкого графа Леопольда фон Штаде, а младший Ярославич,

Всеволод, также ставший киевским князем, — на дочери византийского императора Константина Мономаха.

Потомки Всеволода закрепятся на киевском престоле. Владимир Мономах женится на Гите, дочери англосаксонского короля Гаральда II. Их сыновья также вступят в брак с иноплеменицами: Мстислав-Гаральд — с дочерью шведского короля Инга Стейнкельса Христины, Ярополк — с осетинской княжной Оленой, а Юрий Долгорукий и Андрей — с дочерьми половецких ханов.

Сыновья Изяслава Ярославича свяжут свои судьбы: один с дочерью немецкого графа Оттона фон Орламюнде (Ярополк, князь туровский), другой — Святополк, князь киевский, — сначала с половецкой хатунь, дочкой Тугорхана, а затем с представительницей византийской династии Комнинов Варварой. Сын Святополка Изяславича, волынский князь Ярослав, также будет женат дважды: первый раз на дочери венгерского короля Ласло, а второй — на дочери польского короля Владислава Германа.

Святослав Ярославич женит своего сына Олега, князя черниговского, курского и северского, сначала на византийской аристократке Феофане Музалон, а затем на половецкой хатунь, дочери хана Осулука. Внуки же его возьмут в супруги дочерей польского князя Болеслава III (Всеволод, князь муромский) и половецкого хана Аепы (князь черниговский Святослав). От последнего брака, кстати, родится главный герой «Слова о полку Игореве», который, сам будучи внуком и правнуком половецких ханов, сына своего, Владимира (князя галицкого), также выдаст за половчанку, дочь хана Кончака...

Список жён-иноземок древнерусских князей можно продолжить. Здесь мы найдём и дочь чешского оломоуцкого князя Оттона II Евфимию (жену новгородского князя Святополка Мстиславича), и дочь хорватского князя Белуша (жену дорогобужского князя Владимира Мстиславича), и немецкую принцессу, и грузинскую царевну Русудан (жёны великого князя киевского Изяслава Мстиславича), и дочь польского великого князя Болеслава III Агнешку (жену великого князя киевского Мстислава Изяславича), и дочь литовского князя Довспрунка (жену великого князя киевского Даниила Романовича), и дочь польского князя Казимира III (жену великого князя киевского Всеволода Чермного), и дочерей половецких ханов Белгука (жену великого князя киевского Рюрика Ростиславича), Тоглыя (жену новгородского князя Мстислава Давы-

довича), Котьяна (жену князя Мстислава Удатного) и Юрия Кончаковича (жена Ярослава Всеволодовича), и осетинскую княжну Марию (жену князя Всеволода Большое Гнездо), и грузинскую царицу Тamar (жену сына Андрея Боголюбского Юрия)...

Ещё раз повторю: дело не в том, что в подавляющем большинстве древнерусские князья (если не все они) не имели восточнославянских «кровей» и уже потому были если не «чужими», то не вполне «своими».

Учёт семейно-брачных связей древнерусских князей домонгольского времени существенно проясняет многие вопросы, связанные, скажем, с участием иностранных отрядов в борьбе «Рюриковичей» за престолы на севере и на юге русских земель. Становится, скажем, понятным, почему в борьбе за киевский, галицкий или волынский престолы такое активное участие принимают отряды из Польши, Венгрии, Германии, половцы. Становится ясно и то, что отношения с соседями и на Западе, и на Востоке (в частности, отношения со Степью) — это не только противостояние и постоянная борьба с внешней агрессией. Это ещё и решение, так сказать, внутрисемейных вопросов.

Так, знаменитый поход новгород-северского князя Игоря Святославича, учитывая происхождение этого князя, уже не выглядит бесславной авантюрой, направленной на предотвращение половецких набегов на русские земли. Князь сам по большей части половец и, судя по всему, принимает участие в каких-то не вполне понятных нам выяснениях отношений между различными половецкими кочевьями. Недаром к нему с таким вниманием и почётом относится Кончак, который, кстати, после бегства Игоря из «плена» нанесёт удар по княжествам, враждовавшим с Новгород-Северским.

Эти родственные связи сыграют, в частности, роковую роль в событиях на Калке в 1224 году, когда южнорусские князья, откликнувшись на призыв о помощи своих половецких родственников, потерпят сокрушительное поражение от передовых монгольских отрядов...

\*\*\*

Не менее важно, на мой взгляд, и то, что иноземные «принцессы» приносили на Русь свою культуру, свои языки и обычаи. Они приезжали не одни, а с двором, пусть небольшим. Христианки прибывали ко дворам своих супругов со своими духовниками (на этот счёт есть важное свидетельство Титмара Мерзебургского о том, что дочь Болеслава Храброго приехала в Туров со своим духовным отцом,



колобжегским епископом Рейнберном). Священники же, очевидно, привозили с собой книги...

До сих пор практически даже не поставлен вопрос о том, на каком языке точнее, на каких языках разговаривали при княжеских дворах. Владимир Мономах писал, что его отец, Всеволод Ярославич, «дома сидя, изуменяше 5 язык — в том бо честь есть от иных земель»<sup>7</sup>. Пять языков (учёные, кстати, до сих пор спорят, что это были за языки: обычно называют латинский, немецкий, венгерский, половецкий, литовский, торчешский, косожский, абезский, «скандинавский», язык волжских болгар и др.; единственно, в чём сходятся все: Всеволод, безусловно, владел греческим языком) — это, конечно, много. Но, судя по матримониальным связям, каждый князь должен был достаточно свободно владеть не меньше чем тремя языками, чтобы беседовать со своей матерью, у которой он воспитывался лет до 6–8, с отцом, женой и подданными. Древнерусский язык должен был, судя по всему, выполнять функции языка-посредника, языка межнационального общения в окружении князя.

Следует ли после этого удивляться довольно обширным познаниям древнерусских книжников в области античной и даже древнеегипетской мифологии, включению в круг их чтения не только греческих хроник, иудейских апокрифов, но и «Повести о Варлааме и Иоасафе», представляющей собой христианизированный вариант истории Гаутамы-Будды, или перевода с арабского или с сирийского языка ассиро-вавилонской повести VII века до н. э. об Акире Премудром?

Показательно, что знаменитое Поучение Владимира Мономаха обнаруживает близость к западноевропейским наставлениям «к детям», к творениям отцов Церкви, в частности Василия Великого, поучениям из «Пролога», произведениям византийской, латинской и англосаксонской литературы. По мнению В. В. Данилова, князь косвенно использует в Поучении трактат раннехристианского римского автора III века Минуция Феликса «Октавий».

В Повесть временных лет включены выдержки из древнерусского перевода еврейского хронографа «Книга Иосиппон», составленного в Южной Италии в середине X века. Рассказ о четвёртой



Памятный знак на погосте Выбуты, родине княгини Ольги.

мести Ольги — о том, как по приказу княгини была сожжена столица древлян Искоростень с помощью птиц, к которым был привязан горящий трут, — находит параллели не только в скандинавской саге о Харальде Суровом, но и в уэльском романе «Brut Tysilio», восходящем к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, а также у Саксона Грамматика, который приводит два рассказа «о взятии города по искоростенскому способу» датским эпическим героем Хаддинггом: в Восточной Европе (где-то на Западной Двине) и в Ирландии<sup>8</sup>. Почти такие же рассказы содержит ближневосточное предание об Александре Македонском и об эмире багдадском ибн Хосрове, записанное армянским историком XI столетия Стефаном Таронским (Асохик). Причём, по мнению В. Г. Васильевского, «всё это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти современно с зимовками варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьёв и голубей»<sup>9</sup>.

Есть основания утверждать, что на Руси делались, хотя бы с исключительным порядком, переводы с латинского и древнееврейского. Разыскания А. А. Гогешвили, проводившиеся в последнее десятилетие XX века, позволяют предпо-

ложительно говорить о том, что древнерусским авторам домонгольского времени были в подлинниках знакомы многие произведения античной литературы и западноевропейский рыцарский роман, откуда они заимствовали не только отдельные образы и тропы, но и поэтическую технику<sup>10</sup>. Существовали также культурно-литературные контакты и со странами Ближнего Востока.

И не последнюю очередь в обеспечении столь широкого контекста, в котором формировалась древнерусская культура, играли матримониальные связи древнерусских князей. Оставаясь для основной массы населения Руси чужими (иноземное имя легендарного Рюрика — лучшее тому подтверждение), они, сами того не подозревая, закладывали фундамент древнерусской культуры.

Во всяком случае, учёт материнской линии в родословных древнерусских князей может внести новые, порой неожиданные, ноты в понимание логики развития политической и культурной истории нашей страны домонгольского времени.

Что же касается попыток восстановления «генеалогической химии» мифического Рюрика, а тем более его точной биографии, то дело это совершенно бесперспективное. Говоря словами Ключевского, «такой поворот в умах есть, несомненно, симптом общественной патологии»<sup>11</sup>.

**Примечания**

1. Крузе. О происхождении Рюрика: Преимущественно по французским и немецким летописям//Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. 9. С. 43–73.  
2. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3: Норманский период. М. 1846. С. 35, 37.  
3. Пашуто В. Т. Внешняя политика

Древней Руси. М. 1968. С. 23–24.  
4. Лаврентьевская летопись//ПСРЛ. Т. 1. М. 1997. Стлб. 76.  
5. Подробнее см.: Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М. 2004. С. 169.  
6. Лаврентьевская летопись. Стлб. 75.  
7. Там же. Стлб. 246.

8. Рязевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи//Она же. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. М. 1978. С. 200.  
9. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков//Он же. Труды. Т. 1. СПб. 1908. С. 235.

10. Гогешвили А. А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М. 1991; Он же. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М. 1999.  
11. Ключевский В. О. Наброски по варяжскому вопросу//Он же. Неопубликованные произведения. М. 1983. С. 113.